

УДК 711.4-112:72.035 (470)

*МЖЕЛЬСКИЙ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ, архитектор,
vickt.mj@yandex.ru
ООО «ТЭЗИС»,
630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 100-5*

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОСТИНЫХ ДВОРОВ В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Статья посвящена деятельности комиссии для строений в Москве конца XVIII – первой половины XIX в. в части проектирования и строительства гостиных дворов в городах Московской губернии в связи с проводившимися градостроительными преобразованиями. Исследование построено на основе неопубликованных ранее архивных материалов, хранящихся в Центральном историческом архиве Москвы. Автор рассматривает специфику и хронологию деятельности комиссии для строений и губернских властей в области строительного контроля и проектирования строящихся зданий, анализирует архитектурно-градостроительные принципы, которым следовали архитекторы того времени.

Ключевые слова: комиссия для строений; каре; торговая площадь; застройка; регулярный план.

*VICTOR M. MZHELISKY, Architect,
vickt.mj@yandex.ru
ООО TEZIS LTD.,
100-5, Chaplygin Str., 630099, Novosibirsk, Russia*

HISTORY OF GUEST HOUSE CONSTRUCTION IN MOSCOW DISTRICTS LATE IN 18TH AND EARLY 19TH CENTURIES

The article is devoted to the activities of the building commission in Moscow late in 18th – early 19th century in the field of design and construction of guest houses in Moscow districts carried out for the urban development. Investigations include unpublished archival materials stored in the Central Historical Archive of Moscow. The history and specificity of the building commission activity is considered in the field of building control and design. The analysis of the architectural and town-planning principles of that time is presented in this paper.

Keywords: building commission, square; shopping area; building; regular plan.

Гостиные дворы – характерные атрибуты общественных центров городов Российской империи конца XVIII – первой половины XIX в. История их строительства в провинциальных городах, получивших согласно реформе 1775 г. статус уездных, связана с начатыми в то время градостроительными преобразованиями и до сих пор недостаточно изучена.

Перепланировка и застройка городов в то время проводились под контролем и при непосредственном участии местных властей: губернаторов, губернских архитекторов, губернских и уездных землемеров. В Санкт-Петербурге проекты лишь утверждались и иногда корректировались [1, с. 146], об этом свидетельствуют и неопубликованные ранее архивные источники, хранящиеся в Центральном историческом архиве Москвы (далее ЦИАМ).

Регулярные планы городов Московской губернии были высочайше утверждены 16 января 1784 г., т. е. спустя более 20 лет с момента учреждения Комиссии для строения в Санкт-Петербурге (Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Книга чертежей и рисунков (планы городов) СПб, 1839 (далее ПСЗРИ). № 13–26). Некоторые города издавна служили важными торговыми центрами местного значения и сохранили свою былую роль. Поэтому согласно регулярным планам в центре Коломны, Вереи, Можайска, Клина и Дмитрова была запроектирована главная площадь, «на которой гостиный двор» с каре торговых лавок.

Многие подтвержденные при Екатерине II регулярные планы не были детально проработаны. Некоторые элементы и уточнения вносились в них позже. Например, были внесены изменения в регулярные планы Бронниц и Серпухова: на их главных площадях также появилось типичное каре торговых лавок, которое первоначально отсутствовало (ПСЗРИ № 14 и 26). Известно, что в 1822 г. архитектор С.П. Обитаев составил проект гостиного двора для Бронниц [2, с. 179], и в архивных источниках того времени затронут вопрос о строительстве в городе общественных каменных лавок (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 2. Л. 208). Одновременно планировалось выстроить каменные лавки на главной площади Серпухова, но к строительству каре приступили лишь в 1846 г. после высочайшего разрешения (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 787. Л. 75; 82).

Один из первых каменных гостиных дворов появился в Коломне. Это был достаточно крупный комплекс, выстроенный, по-видимому, уже в конце XVIII в. [3, с. 45]. Примерно в это же время началось строительство гостиного двора в Верее. На плане центральной части города 1797 г. уже показано каре каменного комплекса, недостроенное в северо-западной части (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 842. Л. 6 об). Возможно, его начали строить сразу после утверждения и корректировки регулярного плана.

Строительство комплексов шло медленно, документы проходили несколько инстанций. Сначала отдельные граждане или купеческое и мещанское общество города подавали прошение о постройке в местную думу, которое препровождалось губернским властям на рассмотрение. Комиссия для строений в Москве, где разрабатывали проекты и составляли сметы, находилась в подчинении военного генерал-губернатора. Полномочия и обязанности комиссии были официально закреплены в июле 1820 г. Высочайшим повелением Александра I «Об улучшении уездных городов Московской губернии» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 3. Л. 10).

Градостроительные преобразования в городах губернии 2-й четверти XIX в. во многом связаны с именем князя Дмитрия Владимировича Голицына, с 1820 по 1844 гг. занимавшего пост московского военного генерал-губернатора. Нередко он лично контролировал процесс застройки их общественных центров. Так, согласно архивному источнику 1 мая 1822 г., «Его Сиятельство, рассматривая в присутствии комиссии план и фасад на постройку деревянных лавок в городе Дмитрове, объявил, что он наступающим летом намерен осмотреть город и место, где предполагается к постройке Гостиный двор. До того же времени изъявить своего согласия на постройку лавок не может...» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 1. Л. 166). Судя по всему, рассмотрение проекта затяну-

лось. Лишь 25 марта 1827 г. комиссия для строений в Москве предписала дмитровскому городничему, градскому главе и командированному от неё землемеру Степанову «отвести обывателям под постройку гостиного двора места». Обыватели, согласно предписанию, обязаны были производить «постройку (трех?) корпусов, по семи лавок в каждом, в текущем году по присланной из комиссии в дмитровскую шестигласную думу фасаде от 21 марта 1827 года» (ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11068. Л. 1). Места были отведены в сентябре того же года, однако и 14 июля 1828 г. вопрос со строительством не был решен, о чем свидетельствует обращение московского гражданского губернатора Г.М. Безобразова в комиссию для строений в Москве (Там же. Л. 2).

Процесс строительства гостиных дворов был затруднен из-за нехватки средств в городах и в губернской казне, а также у купцов и мещан, которые часто не изъявляли желания строить капитальные лавки, довольствуясь временными лавочками. Масштабные комплексы были характерны, в основном, для столиц, губернских городов и крупных ярмарок, но далеко не все уездные города того времени имели даже небольшие каменные гостиные дворы. Это могли себе позволить только достаточно богатые города, имевшие большое торговое значение. Потому в Московской губернии первые каменные гостиные дворы появились в Коломне и Верее, а некоторые проекты были осуществлены лишь частично и значительно позже.

В Можайске на месте запроектированного на регулярном плане каменного гостиного двора (ПСЗРИ № 22) сначала был выстроен временный – деревянный (ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 21. Д. 14. Л. 9. Д. 92. Л. 2, 16), который перестраивался в камне не ранее 1838 г. [4, с. 299]. В архиве хранится дело «о постройке деревянных гостиных дворов в Можайске и других городах Московской губернии», датированное 2 ноября 1819 – 3 июня 1820 гг. (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 4635). Вероятно, тогда и строился упомянутый комплекс. В рапорте директора комиссии для строений в Москве московскому военному генерал-губернатору от 9 декабря 1820 г., посвященном городу Клину, говорится, что «на торговой площади назначен гостиный двор, но занята некоторая часть его деревянными в каменных столбах лавочками без всяких правил в архитектуре и в безобразном виде выстроенными, а прочие места розданы по предложению прежнего гражданского губернатора Лопухина городским начальством под застройку тамошними купцами и мещанами участками длиною и шириною по 7-ми аршин...» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 3. Л. 3 об. – 4 об.).

Важной задачей, стоявшей перед проектировщиками, являлось размещение гостиного двора на площади, где помимо него располагались другие здания, в частности церкви. Такая проблема возникла в том же Клину, когда в своем письме губернатору 6 июня 1830 г. митрополит Московский и Коломенский Филарет выражал озабоченность по поводу строительства лавок недалеко от Троицкого собора (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 4. Л. 363).

Согласно представленному директором чертежной К.А. Ладыгиным плану площади оказалось, что на ней по конфирмованному плану «положено быть гостиному двору» с расстоянием от недавно выстроенного Троицкого собора «углом не более 4 сажень». Поэтому предложено было закруглить уг-

лы каре лавок и таким образом увеличить проезд между ними и церковью до 8 сажень, а вместо предполагаемой церковной ограды решено было сделать вокруг собора «овальный тротуар с частыми тумбами через 4 аршина» (Там же. Л. 363–364).

Разработчики регулярных планов практиковали различные варианты размещения торговых лавок на площади: в центре, с краю или по периметру [5, с. 110], отдельными корпусами или едиными комплексами. В практике комиссии для строений в Москве и городах Московской губернии имелись на этот счет свои предпочтения. Так, 8 августа 1830 г. московскому военному генерал-губернатору было представлено прошение 53 бронницких купцов и мещан о дозволении им выстроить на собственный капитал каменные одноэтажные лавки «в линию соборных лавок» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 4. Л. 408–409, 412). Но, согласно докладу К.А. Ладыгина, с постройкой этих лавок совершенно загордилась бы соборная церковь и застроилась площадь. Он предложил существующие там лавки снести и открыть вид на собор: «а вместо сих лавок... и вновь просимых дозволить временные в виде Гостиного двора в четвероугольнике как на плане под литерою «а» показано. Через это площадь, в середине коей один гостиный двор, примет самый лучший вид и вся будет чиста» (Там же. Л. 414 об).

В результате было предложено постройку каменных лавок на месте против собора в городе Бронницах запретить, а дозволить постройку временных в виде каре гостиного двора, на что последовало согласие военного генерал-губернатора. К 12 декабря 1832 г. К.А. Ладыгин представил проект (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 5. Л. 87–90, 448 об).

Размещение торговых лавок комплексом в виде каре, очевидно, считалось предпочтительным. Так, согласно одному из документов комиссии от 2 августа 1832 г., городничий города Рузы по просьбе граждан просил разрешить постройку на верхней (главной) торговой площади лавок по представленному абрису «скобою». По его мнению, в случае реализации такого проекта торговцы имели бы «ровную продажу своих припасов и овощей по случаю съезда людей и нахождения всегда в самой середине сих лавок, ибо нельзя сего иметь около построенных квадратною фигуурою лавок, которые назначены лицом к домам и не на самую площадь...» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 4. Л. 347–347 об). Но по предписанию комиссии директор чертежной К.А. Ладыгин представил план той площади с размещением предполагаемых лавок «квадратом в виде Гостиного двора, подобно существующим в городах Серпухове, Бронницах, Можайске и Клину». Комиссия посчитала этот проект «по местоположению более удобным и приличным потому, что при таковом устройстве будет больше соблюдено чистоты и опрятности». Подобный проект был предложен и для Волоколамска, но, очевидно, так и не был реализован (Там же. Л. 325).

В архиве имеется материал, касающийся ремонта и перестройки гостиных дворов в некоторых городах Московской губернии. Из переписки московского гражданского губернатора Н.А. Небольсина с московским военным генерал-губернатором Д.В. Голицыным 1830–1832 гг. известно, что гостиный двор Вереи в то время находился в такой ветхости, что не только препятство-

вал торговым занятиям, но и угрожал «близким падением», от чего «и доходы города от отдачи в наем лавок сего двора значительно понизились» (ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 32. Л. 64. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 4. Л. 146). В таком же состоянии находился и гостиный двор в Можайске (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 4. Л. 153). Губернским архитектором были составлены планы с фасадами этих гостиных дворов и сметы «на поправку ветхостей». Комиссия, получив 12 марта 1830 г. проектные материалы на постройку гостинного двора в Верее, 27 мая представляла их на рассмотрение Д.В. Голицыну и согласно его приказанию 9 июня предписала губернскому архитектору Д.Ф. Борисову «фасаду сочинить сообразно утвержденной комиссией 28 октября 1829 года на постройку лавок в городе Клину... а смету вновь составить...» (Там же. Л. 168–168 об). Такое же предписание было и в отношении гостинного двора в Можайске, с указанием о переделке проекта согласно рисунку с все той же «утвержденной на постройку лавок в Клину фасады» (Там же. Л. 180–180 об). Эта «фасада», очевидно, использовалась в качестве «образцовой». Известно, что генерал-губернатор и для лавок на торговой площади в Волоколамске 5 декабря 1831 г. предписал, «чтобы сей квадрат лавок был или загорожен приличным забором, или застроен... по выданным фасадам наподобие клинских» (Там же. Л. 325). «Образцовые» проекты существенно упрощали процесс строительства, что объясняет их частное использование при застройке городов того времени.

12 сентября 1830 г. Д.Ф. Борисов рапортовал о составлении им сметы и плана с «фасадою» на отделку можайского гостинного двора (Там же. Л. 191). Сохранился и проект перестройки гостинного двора в Верее, вычерченный в 1831 г. архитектурским помощником 1-го класса П.И. Строгановым [6, с. 180]. Архитектурный облик этой утвержденной в 1830 г. «фасады» отличался типичным для торговых зданий того времени лаконизмом (рис. 1). Он формировался обычной аркадой открытой галереи с полуциркульными перемычками и простыми архивольтами. Высота арок, которых было по пятнадцать на каждом фасаде (центральная арка была проездной), примерно равнялась удвоенной их ширине. От цоколя до уровня их пят стены покрывал мелкий квадратный руст. Ниже представлен план каменного общественного гостинного двора в виде каре, в центре которого обозначен павильон для весов и сторожки (ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 32. Л. 23).

В рапорте комиссии гражданскому губернатору Н.А. Небольсину говорится, что «лавки отделаны должны быть по сей фасаде, сочиненной по приказанию Его Сиятельства господина Московского военного генерал-губернатора сообразно лавкам в городе Клину, и сделаны через 12 саженей каменные брандмауэры толщиной как должно быть снизу в два с половиной, в середине в два и в крыше в полтора кирпича, не выступая теми лавками ни сколько за линию» (Там же. Л. 34 об). Аналогичные указания содержит надпись, имеющаяся на упомянутом чертеже.

В связи с нехваткой средств в Верее на осуществление этого проекта, туда был командирован архитектор для составления сметы и покрытия необходимых издержек на починку и перестройку только тех лавок, в которых производится торговля. Но комиссия для строений в Москве из-за нехватки

средств не могла выделить верейскому градскому обществу ссуды (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 5. Л. 46–46 об., 482 об).

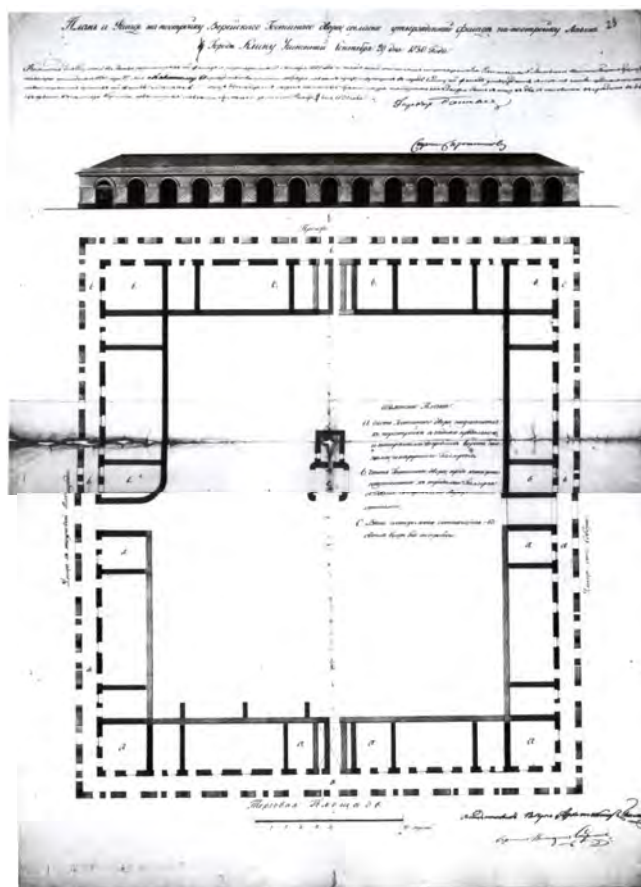

Рис. 1. Проект перестройки гостиного двора в Верее 1831 г. ЦИАМ

Гражданский губернатор 25 августа 1830 г. писал о гостинном дворе в Можайске, что «угловая часть сего строения пришла в такую ветхость, что торгующему в оной лавке и проходящему мимо весьма опасно...» (Там же. Т. 4. Л. 178). 2 сентября 1832 г. Д.В. Голицын приказал истребовать от инженер-генерал-майора Э.Я. де Витте сведения, на какую сумму полагает он спланировать в Можайске площадь и нельзя ли из-за нехватки средств спланировать только ту часть площади, на которой находится гостинный двор, чтобы позволить его выстроить (Там же. Оп. 6. Д. 5363. Т. 5. Л. 30). Де Витте предложил планирование площади разделить на 3 года, чтобы в первый год спланировано было только в тех местах, где должны находиться фундаменты, а в последние два года – остальное пространство (Там же. Л. 30 об. – 31).

Судя по переписке, проблема ветхостей гостиных дворов в Верее и Можайске долго не была решена. В рапорте гражданскому губернатору от 26 мая 1835 г. верейский городничий сетовал: «каменный общественный гос-

тиный двор с деревянной крышею... находится в расстроенном положении, стены с большими трещинами и в некоторых местах от самого фундамента покосились» (ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 32. Л. 113).

Внешний облик гостиного двора в Верее, перестроенного к концу 30-х гг. XIX в., не совсем соответствовал упомянутому выше проекту. Вероятно, в дальнейшем в него были внесены коррективы. Крайне лаконичный декор внешних фасадов его корпусов состоит из белокаменного цоколя, узких кирпичных тяг пилонов и ленточного руста, проходящего по низу. Арочные перемычки охвачены кирпичными архивольтами и украшены замковыми камнями. Довольно массивные пилоны, широкие архивольты и сравнительно крупные замковые камни создают впечатление тяжеловесности, которое смягчается совсем небольшими размерами комплекса.

О корректировке проекта свидетельствует документ из переписки гражданского губернатора с военным генерал-губернатором от 28 марта 1837 г., в котором говорится о замечаниях комиссии проектов и смет, учрежденной при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий в Санкт-Петербурге, по поводу исправления в городе Верее гостиного двора. Тогда в комиссию для строений в Москве были переданы «план с фасадою, список с отношения министра Внутренних Дел и замечания с просьбой об исправлении и переделке сметы во всем согласно правилам и замечаниям и о снятии с плана и фасады гостиному двору точного экземпляра в чистом виде...» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5363. Т. 5. Л. 537).

В Можайске к 1838 г. после случившегося пожара возникла острая необходимость строительства нового – капитального гостиного двора – постоянного источника доходов городской казны (ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 21. Д. 14. Л. 9. Ф. 54. Оп. 177. Д. 92. Л. 2, 16). Вероятно, в связи с этим и возник проект гостиного двора в Можайске 1838 г., подписанный Д.Ф. Борисовым (ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 182. Д. 822). Согласно этому проекту, гостиный двор представлял собой квадратное каре из четырех Г-образных корпусов с аркадой и открытой галереей на внешнем фасаде (рис. 2, 3). Он должен был включать в себя «каменное в два этажа жилое» П-образное строение для помещения гостиницы и почтовой станции (обозначенное на чертеже под литерой С), которое намечено по центру восточного фасада, во внутреннем дворе. Вокруг каре предполагалось устроить бульвар. На этом же чертеже с юга от каре (по линии напротив колокольни Троицкой церкви) показан прямоугольный в плане протяженный корпус торговых лавок с внутренней планировкой (очевидно, как вариант). Его более подробный чертеж представлен отдельно на следующем листе. Фасад его идентичен фасаду лавок каре, только с торцов вместо скатов крыши – щипцы. Кроме того, судя по разрезу и плану, этот корпус заметно шире корпусов каре.

Как и при составлении проекта гостиного двора в Верее, здесь использовалась та же «фасада для каменных лавок в Клину» (рис. 2), но заметны некоторые отличия. Фасад гостиного двора в Верее более низкий, приземистый в сравнении с фасадом можайского. Различаются и даты утверждения этих «фасад», о чем свидетельствуют надписи на проектных чертежах. Первая была утверждена 29 сентября, а вторая – 28 ноября 1830 г.

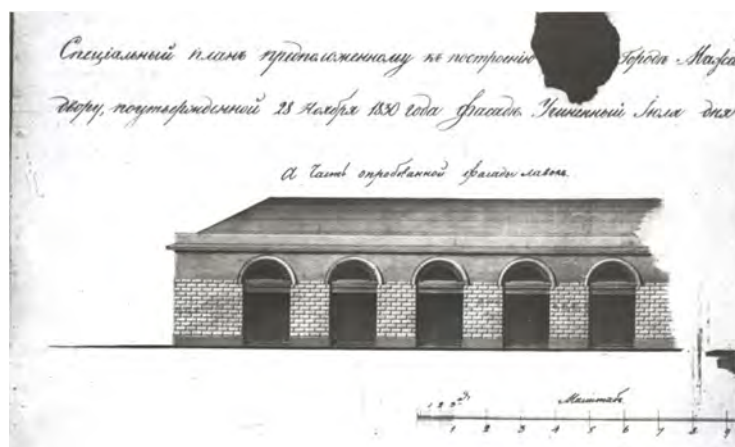

Рис. 2. Часть утвержденной в 1830 г. опробованной «фасады» лавок. Из проекта гостиного двора для Можайска 1838 г. ЦИАМ

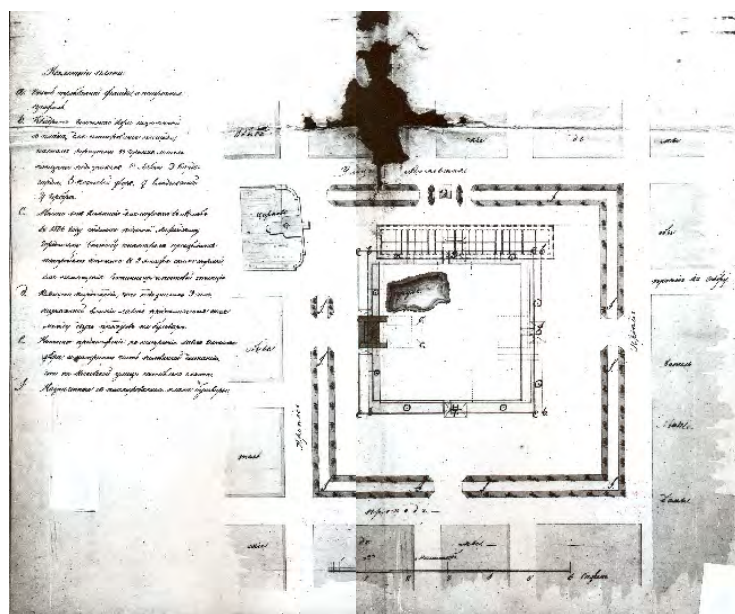

Рис. 3. Можайск. План Торговой площади с проектом каменного гостиного двора. 1838 г. ЦИАМ

В строительстве лавок были заинтересованы сами торговцы. После того как в Можайске горели деревянные лавки временного гостиного двора, граждане города в 1839 г. просили московского гражданского губернатора разрешить им построить за свой счет тридцать каменных лавок «по одинаковому фасаду на линии против колокольни церкви Святой Троицы» с платой за общественную землю денег по цене, установленной на публичных торгах. Они брали на себя обязательства выстроить лавки «по фасаду, какой будет выдан от начальства», и покрыть их железом. Позже в рапорте в московское губерн-

ское правление Можайской думы от 14 мая 1841 г. сообщается, что чертежи на постройку лавок препровождены в комиссию для строений в Москве, а под строительство была отдана общественная земля (ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 92. Л. 8, 10. Ф. 54. Оп. 21. Д. 14. Л. 1, 9–10).

На «Генеральном плане местности Троицкой церкви» конца 40-х гг. XIX в. показана часть Торговой площади Можайска. Там, западнее церкви, уже обозначены два разделенных проездом корпуса южной линии каменных лавок Гостиного двора. Перпендикулярно ей, по другой – восточной линии, показано «место для подвижных лавок». Севернее, параллельно южной линии лавок, поставлен каменный протяженный корпус, указанный в экспликации как гостиница. За лавками, во внутреннем пространстве торгового квартала, показан пруд (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 748. Д. 209. Л. 2).

Планировавшееся каре так и осталось недостроенным. Судя по плану Можайска 1855 г. (ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 16. Д. 1128), главную роль в образовании ансамбля играл протяженный двухэтажный объем южной линии торговых лавок с аркадой на внешнем фасаде, который, гармонично сочетаясь с архитектурными формами колокольни и основного объема Троицкой церкви, формировал образ центральной площади города. Проект 1838 г. так и не был реализован, а лавки упомянутой – южной линии гостиного двора, очевидно, были выстроены по проекту архитектора Н.И. Козловского, составленному в 1840 г. [7, с. 186]. На старой открытке начала XX в. видно, что они отличались пологими перемычками проемов галереи и монументальными формами арочных ворот, оформляющих въезды на задний двор. Боковые корпуса сложившегося конгломерата построек имели несколько иной архитектурный облик с полуциркульными окнами-люнетами над проемами галереи и одиночными лопатками в простенках между ними (ГНИМА им. А.В. Щусева, фототека. Редкие фото, Московская область, город Можайск, фото № 26). Несмотря на отсутствие архитектурной целостности, комплекс являлся довольно значимым элементом городской среды, который благодаря особенностям своего месторасположения, архитектуры и функции играл активную роль в формировании своеобразного облика главной площади Можайска.

Представленный материал, собранный в ЦИАМ, на отдельных примерах показывает специфику деятельности губернских властей в области строительства общественных зданий в уездных городах. Он затрагивает недостаточно изученные страницы истории провинциальной архитектуры России периода градостроительных преобразований конца XVIII – первой половины XIX в., помогает полнее и глубже понять суть этого процесса.

Исследование показало, что строительство гостиных дворов, как и застройка городов в целом, осуществлялось согласно эстетическим, функциональным и санитарно-гигиеническим принципам, соответствующим классицистическому направлению в архитектуре и градостроительстве того времени. Комиссия для строений в Москве и губернские власти строго контролировали процесс застройки главных – торговых площадей согласно разработанным проектам, заботясь о внешнем облике как отдельных зданий, так и архитектурных ансамблей в целом, но сталкивались с проблемами, связанными с недостатком средств и практикой строительства на местах. Архивные источни-

ки, большая часть которых впервые вводится в научный обиход, позволяют также уточнить этапы строительства утраченных и ныне существующих памятников архитектуры, атрибутировать и проанализировать проектные материалы, которые сами по себе заслуживают отдельного внимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гаряев, Р.М.* Из истории перепланировки русских городов во второй половине XVIII века / Р.М. Гаряев // История СССР. – 1986. – № 6. – С. 141–154.
2. *Зодчие Москвы времени барокко и классицизма (1700–1820-е годы)* / под ред. А.Ф. Крашениникова. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 304 с.
3. *Памятники архитектуры Московской области* / под ред. Е.Н. Подъяпольской. – М. : Стройиздат, 1999. – 304 с.
4. *Мжельский, В.М.* К истории формирования архитектурного ансамбля главной площади города Можайска / В.М. Мжельский // Макарьевские чтения. Вып. XI. – Можайск : Можайск-Терра, 2004. – С. 297–303.
5. *Петербург и другие новые российские города* / под ред. Н.Ф. Гуляницкого. – М. : Стройиздат, 1995. – 404 с.
6. *Дьяконов, М.В.* К биографическому словарю московских зодчих 18–19 вв. / М.В. Дьяконов // Русский город. Вып. 5. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1982. – С. 116–223.
7. *Дьяконов, М.В.* К биографическому словарю московских зодчих 18–19 вв. / М.В. Дьяконов // Русский город. Вып. 4. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1981. – С. 174–240.

REFERENCES

1. *Garyaev R.M.* Iz istorii pereplanirovki russkikh gorodov vo vtoroi polovine XVIII veka [From the history of Russian urban redevelopment late in the 18th century]. *Istoriya SSSR*. 1986. No. 6. Pp. 141–154. (rus)
2. *Krashennikov A.F.* Zodchie Moskvyy vremeni barokko i klassitsizma (1700–1820-e gody) [Moscow architects of baroque and classical times (1700–1820)]. Moscow : Progress-Traditsiya Publ., 2004. 304 p. (rus)
3. *Pod'yapol'skii E.N.* Pamyatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti [Architectural monuments of Moscow region]. Moscow : Stroyizdat Publ., 1999. 304 p. (rus)
4. *Mzhelsky V.M.* K istorii formirovaniya arkhitekturnogo ansamblya glavnoi ploschadi goroda Mozhaiska [History of architectural ensemble formation of Mozhaysk main square]. *Makar'evskie chteniya*. Mozhaisk : Mozhaisk-Terra Publ., 2004, V. 11. Pp. 297–303. (rus)
5. *Gulyanitsky N.F.* Peterburg i drugie novye rossiiskie goroda [Petersburg and other new Russian cities]. Moscow : Stroyizdat Publ., 1995. 404 p. (rus)
6. *Dyakonov M.V.* K biograficheskomu slovaryu moskovskikh zodchikh 18–19 vv. [Biographical dictionary of Moscow architects in 18–19th centuries]. *Russkii gorod*. Moscow : MSU Publ., 1982. No. 5. Pp. 116–223. (rus)
7. *Dyakonov M.V.* K biograficheskomu slovaryu moskovskikh zodchikh 18–19 vv. [Biographical dictionary of Moscow architects in 18–19th centuries]. *Russkii gorod*. Moscow : MSU Publ., 1981. No. 4. Pp. 174–240. (rus)